

Издание сборника стихотворений Некрасова в 1856 году. Его колоссальный успех. Состав сборника. Поэма «Саша»

Рассмотренные прозаические произведения Некрасова создавались в самый канун 60-х годов. Их значение велико, но не они прославили Некрасова, не они приобщили его к числу подлинных классиков великой русской литературы. Эта заслуга всецело принадлежит выпущенному им в 1856 году сборнику стихотворений. Прежде, чем говорить об этом сборнике, отметим, что период с 1856 по 1861 год ознаменован бурным подъемом общественного движения. На повестке дня стояло преобразование социального строя России. Падение крепостного права, препятствовавшего развитию производительных сил страны, было исторически неизбежным, но особенно очевидной стала эта неизбежность после поражения царизма в Крымской войне. «Крымская война, — писал В. И. Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*».¹ Историческая неизбежность крестьянской реформы обусловила неизбежность и других реформ. Ожидание их, тем более первые шаги к их претворению в жизнь, как бы робки, нерешительны, половинчаты они ни были, — вызвали в обществе еще невиданное возбуждение. Реакционеры, на первых порах еще не ощутившие, что их классовые интересы заботливо оберегаются правительством, были несколько смущены. Либералы дружно ликовали по поводу якобы наступившей эры «великих реформ». Об отношении к этой последней революционных демократов можно судить по ряду документов той эпохи, в том числе и по некрасовскому сборнику 1856 года. Все его содержание свидетель-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 95.

ствует о том, что поэт прежде всего счел нужным в полный голос напомнить обществу о продолжающихся тяжелых страданиях народа и о безграничном эгоизме эксплуатировавших его высших классов. Мало того, в сборнике 1856 года, в пределах цензурных возможностей, зазвучали призывы к революционной борьбе, обращенные к истинным друзьям народа, и были беспощадно разоблачены ложные друзья народа, пытавшиеся заменить безответственной болтовней напряженную и самоотверженную работу во имя народного блага, в которой так нуждалась истерзанная и веками угнетенная и только что закончившаяся кровавой войной страна. Отсюда, непреложный и неизбежный вывод, что в начале 60-х годов Некрасов твердо стоял на революционно-демократических позициях, тех позициях, на которые он встал в годы своего сближения с Белинским. Если к сказанному присоединить, что благодаря строжайшему отбору, произведенному Некрасовым, в сборник 1856 года попали только лучшие его стихотворения 40-х и 50-х годов, — лучшие по своему идейному смыслу и по своим художественным достоинствам, — то не будет преувеличением назвать эту книгу величайшим памятником русской классической литературы. Недаром успех ее был, поистине, беспремерен. Об этом свидетельствует целый ряд современников.

Н. Г. Чернышевский, сообщая Некрасову в письме от 5 ноября 1856 года о том, что полученные в Петербурге 500 экземпляров разошлись в два дня, добавляет: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли „Ревизор“ или „Мертвые души“ имели такой успех».¹

Двумя днями позднее о колоссальном успехе «Стихотворений» Некрасова («экземпляры пропадают в лавках, как только появляются») упоминает П. В. Анненков в письме к И. С. Тургеневу (от 7 ноября).

10 ноября В. П. Боткин в письме к тому же адресату заявляет: «Не было примера со времени Пушкина, чтоб книжка стихотворений так сильно покупалась».²

М. Н. Лонгинов, в свою очередь, в письме от 18 ноября, спешит сообщить Тургеневу о том, что «Стихотворения» Некрасова «возбуждают фурор», а в письме от 22 ноября, — что они «производят впечатление невообразимое».³

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, М., 1949, стр. 321.

² В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II, Гослитиздат, 1950, стр. 218.

³ Там же.

И. С. Тургенев, на основании полученной из России информации, в письме от 30 ноября уведомлял Герцена «о громадном, неслыханном успехе стихотворений Некрасова»: «1400 разлетелись в две недели; этого не бывало со времен Пушкина».¹

Присмотримся же поближе к сборнику 1856 года. Некрасов готовил его, когда здоровье его находилось в таком плохом состоянии, что не только он сам, но и его друзья считали его приговоренным к смерти. Вследствие этого сборник 1856 года представлялся поэту книгой, как бы завершающей его творческий путь, как бы его «лебединой песней», и он все усилия приложил, чтобы она возможно ярче и отчетливее обрисовала его поэтический облик. В этих целях он, как уже было отмечено, ввел в сборник далеко не все стихотворения из числа тех, которые написал до 1856 года,² а отобранные стихотворения расположил не в хронологическом порядке, а скорее в тематическом, хотя при этом старался в известной мере соблюдать и жанровый принцип. Так, после «введения», — таким декларативным «введением» послужило стихотворение «Поэт и гражданин», — он печатает 73 стихотворения, составляющих четыре неравномерных по своей величине отдела.

В первом отделе Некрасов напечатал 11 стихотворений, сгруппированных вокруг темы н а р о д. Среди них выделяются стихотворения «В дороге», «Влас», «В деревне», «Огородник», «Забытая деревня», «Школьник». Во второй отдел вошло 14 стихотворений, разоблачающих тех, в ком Некрасов видел врагов народа, т. е. помещиков, чиновников, буржуа-капиталистов и т. д. Здесь особого внимания заслуживают стихотворения: «Отрывки из путевых записок гр. Гаранского», «Псовая охота», «Колыбельная песня», «Филантроп», «Современная ода», «Секрет», «Нравственный человек». В третьем разделе только одно стихотворение — поэма «Саша», в которой идет речь об истинных и ложных друзьях народа. Наконец, четвертый раздел, — в нем 36 стихотворений, — сплошь состоит из лирических стихов.

Подобная композиция книги очень удачна, ибо она подчеркивала, что идейной доминантой некрасовского творчества

¹ Там же.

² Так, например, ни одно из стихотворений сборника «Мечты и звуки» не попало в это издание. Точно так же не попали в него ни фельетонно-юмористические стихи, вроде «Провинциального подъячего в Петербурге» и «Говоруна», ни псевдонародные сказки в стихах («Баба-яга», «Царевна Ясноцвета»), ни многочисленные пародии Некрасова и т. д., и т. п.

является стремление в сочувственном свете изобразить угнетенный и обездоленный, но в то же время и могучий русский народ, обличить и заклеить тех, кто предстоял сознанию поэта как виновники бедствий народа, как враги народа, прояснить вопрос о том, какими же свойствами нужно обладать, чтобы проявить себя не на словах, а на деле истинным другом народа и, наконец, обрисовать личность поэта как со стороны присущих ей общественно-психологических свойств, так и в плане чисто личном, иногда даже интимно личном.

Попытаемся путем краткого анализа каждого из четырех разделов книги выявить, прежде всего, ее идейный смысл и содержание.

Представители народной среды изображены Некрасовым в высокой степени способными к интеллектуальному развитию; они способны и могут подняться до того уровня образованности, на котором стоят высшие классы. Однако в тяжелых условиях тогдашней русской действительности, говоря конкретно, крепостного права, полученное ими образование служит им не на пользу, а во вред, до крайности отягчая их и без того тяжкую жизнь, более того, нередко преждевременно сводя их в могилу. К таким выводам приводит образ Груши в стихотворении «В дороге», первого стихотворения первого отдела.

В образе огородника (стихотворение «Огородник») подчеркивается не только его физическая красота, но и его нравственное благородство. На допросе ему легко было бы опровергнуть обвинение в воровстве, — стоило только объяснить истинную причину своих ночных походов («крался в горенку к ней»), но он, дорожа честью любимой девушки,

...стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Под стать красавцу-огороднику «чернобровая дикарка» в стихотворении «Тройка»:

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь...

Но красота погибает в условиях тяжелого, мрачного быта закрепощенной деревни:

... не то тебе пало на долю:
.....
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести.

Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

Вдумываясь в образы упомянутых выше некрасовских стихотворений, нельзя не прийти к заключению, что они созданы рукою поэта, прекрасно знающего свой народ и страстно любящего его.

Чувство трезвого отношения к действительности редко изменяло Некрасову с тех пор, как он вступил на дорогу реалистического творчества. Он знает, хорошо знает, что условия русской жизни таковы, что неизбежно прививают представителям народной среды ряд отрицательных черт. В стихотворениях первого раздела положительным образом противопоставляются отрицательные.

Трудно представить себе более отрицательный образ, чем образ Власа (стихотворение «Влас») до его нравственного перерождения («брал с родного, брал с убогого, слыл кашеем-мужиком»), — образ кулака-мироеда.

В только что рассмотренном стихотворении «Тройка» также мелькают отрицательные образы. Вспомним:

Будет бить тебя муж-привередник,
И свекровь в три погибели гнуть.

Закljučают первый раздел два сравнительно поздних по времени написания стихотворения: «Забятая деревня» (1855) и «Школьник» (1856). Первое из них дает новое и очень яркое доказательство того, какой силой художественного обобщения обладал Некрасов. Ряд отдельных эпизодов, выхваченных непосредственно из жизни (горе бабушки Ненилы, которая не имеет лесу для починки «избенки»; горе крестьян, которым не у кого искать защиты против «лихоимца», оттягавшего у них землю; горе Наташи, которой «главный управитель» запрещает выйти замуж за любимого человека), под его пером превращается в широчайшую картину крепостнической действительности николаевской эпохи. «Забятая деревня» — это заглавие относится не столько к определенной деревне, сколько ко всей стране, в которой таким «забытым деревням» поистине «несть числа». Настоящий смысл рассматриваемого стихотворения был ясен уже многим современникам. В рапорте чиновника особых поручений Волкова содержится определенное указание, что за «видимой целью этого стихотворения», — «показать публике, что помещики наши не вникают вовсе в нужды крестьян своих, даже не знают оных, и вообще не пекутся о благосостоянии крестьян», — «некоторые же из читателей... видят... какой-то

тайный намек на Россию».¹ А раз «забытая деревня» не что иное, как вся Россия, то оба барина, владельцы «забытой деревни», изображенные в заключительной строфе, — только что умерший «старый» и унаследовавший после него «забытую деревню» «новый», — пожалуй что не простые помещики. Если учесть то обстоятельство, что «Забытая деревня» была написана в год смерти Николая I и вступления на престол Александра II, а также и то, что помещики «забытой деревни» проживают в «Питере», то создается почва для более или менее вероятного предположения, что в лице «старого» барина Некрасов имел в виду изобразить Николая I, а в лице молодого — Александра II. Нечего и говорить, что в этом случае «забытая деревня» приобретает ярко антимонархический, а потому, в известной мере, и революционный смысл. Не надейтесь на молодого царя (барина), как не стоило вам надеяться на старого: старый не пожелал ничего сделать, чтобы облегчить тяжелую жизнь русского народа («забытой деревни»), не делает ничего и новый.

В стихотворениях первого раздела немало, как мы видели, положительных образов; от этих образов веет верой в великую духовную и физическую мощь русского народа. В то же время трагическая судьба его героев вызывает содрогание и побуждает к протесту. Не сегодня—завтра умрет насильно выданная замуж Груша («В дороге»); на медвежьей охоте гибнет богатырь Саввушка («В деревне»); после унижительного телесного наказания ссылают в Сибирь удалого огородника («Огородник»); предрешена горькая судьба деревенской красавицы из стихотворения «Тройка»; вешается извозчик, хотя и был «парнем ражим», «рослым человеком» («Извозчик»); ведут «торжественно в квартал» умирающего от голода вора («На улице»); обрушиваются одна за другой невзгоды на голову смелого, готового с помощью «ножа» и «топора» отомстить своим врагам («барину», «старосте») парня из стихотворения «Вино», и ему угрожает опасность спиться; остается неутоленным горе населения «забытой деревни».

Некрасов не был бы трезвым наблюдателем русской действительности, если бы вздумал обойти или замолчать ее мрачные стороны, но пессимистическому отношению к судьбам великого русского народа не было места в его душе. Поэт крепко верил в то, что если в настоящем русскому народу живется плохо, то отсюда еще не следует, что в будущем его положение не изменится к лучшему.

¹ «Книга и революция», № 2 (14) 1921, стр. 39.

Свою пламенную и глубокую веру в народ, в его молодое поколение Некрасов излил в замечательном стихотворении «Школьник». И не случайно этим стихотворением он закончил первый раздел своей книги. Оно говорит о таких свойствах и стремлениях народа, которые позволяют не беспокоиться о его грядущих судьбах. Общеизвестная концовка этого стихотворения как бы подводит итог думам поэта о народе. Народ, из недр которого выходит

Столько славных то-и-знай, —
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,

не может погибнуть и не погибнет!

Внимательное изучение стихотворений первого раздела, в частности, порядка их размещения, свидетельствует о том, как тщательно обдумал поэт этот порядок. В результате стихотворения первого раздела образуют как бы единый цикл, более того — как бы единое целое, нечто вроде лиро-эпической поэмы о народе, о положительных и отрицательных сторонах его жизни, о способах преодоления этих последних, о грядущих судьбах народа. Первый раздел невелик: составляющие его 11 стихотворений заключают в себе всего-навсего шестую часть книги. Но эти стихотворения, за одним-двумя исключениями, великолепны в художественном отношении, не говоря уже о их общественном смысле. Некрасов знал, что делает, выдвигая их на первый план. В этих именно стихотворениях он нашел самого себя.

Во втором разделе внимание поэта привлечено уже не к «добрым, благородным, сильным любящей душой», а к «тупым, холодным и напыщенным собой». Почти все стихотворения этого раздела — сатирические.

К сатире в это время Некрасов подходил уже вполне сознательно, о чем говорят соответствующие его высказывания, содержащиеся в том же сборнике 1856 года, — в стихотворениях «Поэт и гражданин» («Проснись: громи пороки смело») и «Блажен незлобивый поэт» («Питая ненавистью грудь, уста вооружив сатирой» и т. д.). Он видит в сатире важную форму своего литературно-общественного служения, к которой, кстати сказать, давно уже чувствовал призвание.

Один из наиболее сокрушительных сатирических ударов Некрасов обрушивает на титулованных помещиков. Герой знаменитого стихотворения «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» именуется «un gusse», но в действительности является одним из тех космополитов, которых так много

появилось в России конца XVIII, первой половины XIX века. Граф Гаранский с гордостью говорит, что

Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю...

Путешествуя по России «с французской кухней и с русским титулом графа», он обнаруживает вместе с презрением к русской жизни поразительное ее незнание — следствие того, что он абсолютно от нее оторвался. Он способен думать, что назначение барских управителей, одетых «в немецкие сюртуки» и надзирающих за полевыми работами «с нагайками в руках», в том, чтобы

...вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе...
Как быть! не вразумишь их средствами другими:
Натуры грубые!..

Когда согнанные и понукаемые управляющим мужики «гаркнули ура» в честь своего офранцузенного барина, то граф Гаранский всерьез расценивает это как проявление ими довольства своим положением. И сколько таких Гаранских на Руси! — как бы говорит всем содержанием своего стихотворения Некрасов.

Если граф Гаранский — тип европеизированного, офранцузенного барина, то герой «Псовой охоты» — тип старозаветного, засевшего в своей усадьбе дикого и невежественного помещика, напоминающего многими чертами отца поэта. «Псовая охота» — не только сатирическое, но и бытовое стихотворение. В нем ярко обрисован быт крепостнической усадьбы, с изумительным мастерством даны образы и «сердитого» самоуправца-барина и сопровождающих его крепостных псарей, которые на первый взгляд производят впечатление рядных «молодцов», но если присмотреться к ним ближе, то оказывается, что «худеньки у многих подошвы», что у них «с толкна животы подвело».

Мастерски изображена и сама псовая охота. До самозабвения увлеченные ею ее участники абсолютно не способны воспринимать красоту окружающей природы, любовно описанной автором. Псовая охота может увлекать лишь людей с таким низким уровнем развития, как центральный персонаж стихотворения («барин»), но автор прекрасно знает цену такого увлечения. Он подчеркивает, каким бременем ложится эта дикая потеха на окрестных крепостных крестьян. Наиболее драматической сценой стихотворения является

сцена, изображающая столкновение барина с мужиком после того, как барские собаки растерзали крестьянского барашка. Барин отвечает на брань ударами арапника, но достаточно барину отъехать, как парень снова ругается:

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой.

— Мы-ста тебя взбутетеним дубьём,
Вместе с горластым твоим халуём! —

Эта сцена дает основание для вывода, что Некрасов превосходно понимал, насколько антагонистичны интересы «барина» с его «горластыми халуями» и крепостных крестьян и какие протестующие настроения зреют в среде этих последних. На эти настроения, кстати сказать, имеются определенные указания в «Отрывках из записок графа Гаранского» в рассказе ямщика о кровавой расправе крестьян с бариним, осуществившим в своем имении «право первой ночи». Относящиеся сюда строки стихотворения оказалось возможным напечатать только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Вот этот рассказ о расправе с помещиком:

А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним...
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто. —
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь, чужие вешать шляпы. —
«Как так?» — Да так, сударь, чуть женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней первую ночьку,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того...

Не менее сокрушителен сатирический обстрел, которому поэт подвергает другого кита самодержавно-крепостнического строя — бюрократию.

О знаменитой «Колыбельной песне», натолкнувшей Ф. Булгарина на мысль заявить в очередном доносе в III Отделение, что «Некрасов — отчаянный коммунист... и страшно вопит в пользу революции», мы уже упоминали.

Если в «Колыбельной песне» изображен чиновник в духе «доброе старого времени», то в «Филантропе» Некрасов дал образ чиновника («генерала»), который не чуждается литературы («в популярном изложении восемь томов написал») и занимается благотворительностью. Одним словом, это чиновник новой, так сказать, формации. И тем не менее на поверку

выходит, что и он в обращении с низшими практикует старые методы (топает ногами, выгоняет просителей с помощью гайдуков) и обнаруживает не только поразительную нечуткость, но и подлинное бездушие. Спорят, кто послужил прототипом для сиятельного «филантропа» в генеральском вицмундире: Одоевский или Даль. Не это, в конце концов, важно: важно то, что ни показная образованность, ни показной филантропизм не могли укрыть от пронизательного взора поэта антипатичных черт российского бюрократа.

Не менее отрицательное отношение, чем к помещикам и чиновникам, проявляет Некрасов к сравнительно молодой по возрасту, но сугубо алчной и аморальной русской буржуазии. С этой точки зрения особый интерес представляют «Современная ода» и стихотворение «Секрет», названное в подзаголовке «опытом современной баллады». Если «Современная ода» пародирует приемы и манеру ложноклассической оды, что подчеркивает и усиливает сатирическую установку стихотворения, то в «Секрете» в тех же целях пародируются приемы и манера романтической баллады.

Наш обзор второго раздела сборника 1856 года будет неполным, если мы не скажем хотя бы несколько слов о стихотворениях, направленных против лицемеров и лицемерия. Одной из отличительных особенностей николаевской эпохи являлась, как известно, «система официального лицемерия», охватившая чуть ли не все стороны государственной жизни и наложившая ярчайший отпечаток на людей того времени, главным образом на тех, кто принадлежал к господствующим классам. Лицемерами, само собой разумеется, являются и сиятельный филантроп и тем более герои «Современной оды» и «Секрета». Герой последнего, будучи из хищников хищником, из стяжателей стяжателем, добившись богатства ценой уголовных преступлений, скрывает свое истинное нутро с помощью «Анны с короною» и «звания друга сирот», дающих ему право на почет и уважение. С неподражаемым цинизмом он говорит о себе

И сам я теперь благоденствую
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Однако в этих стихотворениях лицемерие задето постольку, поскольку оно составляет только одну из черт моральной физиономии изображаемых персонажей. В стихотворении же «Нравственный человек» лицемерие является главной, основ-

ной мишенью сатирика. Здесь, как помнит читатель, излагаются четыре эпизода, характеризующие героя как мужа, отца, друга, наконец как помещика. Каждый раз герой совершает сугубо безнравственные поступки, влекущие за собой смерть жены, дочери, приятеля, крепостного повара, совершает, прикрываясь маской законности и самодовольно восклицая:

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Совершенно ясно, что в своих сатирических зарисовках «нравственных людей» николаевского времени Некрасов исходил из тех же побуждений, которые вдохновили Белинского в статье о романе Евгения Сю «Парижские тайны» на следующие строки: «В наше время слова „нравственность“ и „безнравственность“ сделались очень гибкими, и их теперь легко прилагать по произволу к чему вам угодно. Посмотрите, например, на этого господина, который с таким достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее в себя столько слез и крови беззащитной невинности — этого господина, на лице которого выражается такое довольство самим собою, что вы не можете не убедиться с первого взгляда в полноте его глубоких сундуков, схоронивших в себе и безвозмездный труд бедняка, и законное наследство сироты. Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о *нравственности* и с особенною строгостию судит молодежь за ее *безнравственность*, состоящую в неуважении к заслуженным (т. е. разбогатевшим) людям, и за ее вольнодумство, заключающееся в том, что она не хочет верить словам, не подтвержденным делами».¹

Возможно, что эта именно тирада Белинского натолкнула Некрасова на мысль выставить к позорному столбу лицемера николаевской эпохи.

Среди стихотворений второго раздела по чрезвычайной остроте своего социально-политического смысла выделяется стихотворение 1846 года «Отраднo видеть». В нем содержится резкое разоблачение тех, кто стоит на самой вершине социальной пирамиды, и оно приобретает значение одной из самых смелых сатир Некрасова, позволяя утверждать, что он уже в середине 40-х годов превосходно понимал, что отрицательные стороны русской жизни объясняются не частными недостат-

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т VIII, 1907, стр. 470.

ками государственного механизма, а самой системой, поддерживаемой теми, кого он именовал «подлецами».

Заканчивая рассмотрение данного отдела, заметим, что Некрасов заключил его «Отрывками из путевых записок графа Гаранского», разумеется, не случайно. В этом именно стихотворении вопрос о крепостном праве поставлен острее, чем где бы то ни было, и картина эксплуатации и угнетения крестьян помещиками дана особенно яркими красками.

В связи с оживлением общественного движения в предреформенный период возник вопрос о деятелях этого движения. Этот вопрос Некрасов решает в плане демократических требований, развивая тем самым свои более ранние взгляды о подлинных друзьях и врагах народа. В соответствии с этим поэт начинает проходить через все его зрелое творчество «поиски героя». Одним из начальных этапов этих поисков является поэма «Саша», напечатанная в «Современнике» за 1856 год и введенная поэтом, как отмечалось выше, в текст сборника 1856 года.

В каком же направлении ведет «поиски героя» автор в поэме «Саша» и к каким результатам приходит?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего приходится остановиться на образе Агарина, над созданием которого пришлось немало поработать Некрасову. Это подтверждается, в известной мере, тем, что в вариантах поэмы он фигурирует то под именем Горина, то под именем Чужбинина, то под именем Самарина. Некрасов не сразу пришел к его отрицательной оценке, но когда пришел к ней, то сумел обосновать ее достаточно последовательно и убедительно.

Агарин неглуп, образован, либерально настроен, но не стоек в своих убеждениях, а главное, абсолютно неспособен претворять слово в дело.

Во время первой встречи с Сашей он настроен оптимистически и не устает твердить, что «солнышко правды взойдет над землею», а когда оно взойдет, человек перестанет быть «бедным, несчастливым и злым». И отъезд Агарина, возглашающего, что пора перестать «бить баклуши», что надо приниматься за «дело», воспринимается Сашей как переход от словесной пропаганды к созидательной работе.

Во время второй встречи с Сашей Агарин неузнаваем: недавний его оптимизм сменился крайним пессимизмом; теперь он убежден, что

Оба тогда мы болтали пустое,

что

Род человеческий низок и зол...

Мало того, он позволяет себе трунить над скромными попытками Саши быть полезной народу хотя бы в лице окрестных крестьян, обращающихся к ней за помощью.

Образ Агарина, помимо неполноценности общественного поведения героя, не лишен и чисто сатирических черт («в лорнетку глядел» — признак фатовства; «мало волос на макушке имел» — намек на преждевременную изношенность; «надо мной все кружился орел» — упоение своей якобы значительностью, гипертрофированное самомнение).

Не ограничиваясь рассказом о том, как проявляет себя Агарин во время своего знакомства с Сашей, автор характеризует его уже от себя и в этой характеристике дает определенно отрицательную оценку этому типичному представителю либеральной дворянской интеллигенции 40-х годов. Предваряя автора статьи «Что такое обломовщина?», Некрасов бездеятельность своего героя в общественном отношении объясняет его принадлежностью к тому социальному классу, который может жить не работая, ибо «наследье богатых отцов освободило от малых трудов». Критика Агарина помогает развитию критики беспринципного либерализма, особенно опасного в период оживления общественного движения за свободу народа. Не отрицая, что люди агаринского типа сеют «все-таки доброе семя», Некрасов, однако, всем содержанием своей поэмы подчеркивает, что не этим людям суждено быть «строителями нового здания, изыскателями новых путей».

Иное дело Саша. Ее органическим свойством является стремление претворять слово в дело. Приобщившись, под влиянием агаринской пропаганды, к практической работе во имя общественного блага, она ни в коем случае не бросит этой работы. Пусть Агарин изменился, пусть он осмеивает то, чему еще так недавно учил, — она, несмотря на свою юность, не склонится перед его авторитетом и пойдет до конца дней своих избранным ею путем.

Покамест сфера ее деятельности узка и ограничена — «бедные все ей приятели-друзи: кормит, ласкает и лечит недуги» и т. д. Настанет время, когда ее кругозор расширится (а что он расширится, порукой служит ее непрекращающийся умственный рост) настолько, что она найдет для себя более широкую, более плодотворную сферу деятельности.

Какую именно?

Ответ на этот вопрос подсказывают признания известной революционерки 70-х годов Веры Николаевны Фигнер: «Над этой поэмой я думала, как еще в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стре-

миться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма; требовать этого согласования от себя и других учила она. И это стало девизом моей жизни». Но ведь таков же был девиз жизни Саши. А потому нет ничего невозможного, если Саша в конце концов избрет для себя путь революционного деятеля.

Как бы то ни было, образ Саши — одно из несомненных достижений русской классической литературы. Его место непосредственно после образа Татьяны Лариной. Хотя Татьяна — тип, развившийся в 20-х годах, а Саша развилась, говоря примерно, тридцатью годами позднее, однако в их развитии есть общие черты. Обе они росли на лоне природы, в близком общении с народом. Обе они любили и «нянины сказки», и «песни», и «гадания». Сознание их обеих заполнено образами, навеянными фольклором. Таким образом, о Саше отнюдь не с меньшим основанием можно повторить то, что Пушкин сказал о Татьяне, — «русская душой». Заметим кстати, что и Онегин и Агарин изображены как люди, оторванные от национальной стихии, чем и объясняются их жизненные неудачи. Однако различия в идейном и психологическом облике Саши и Татьяны, воспитанных в разные эпохи, весьма существенны. Это, в частности, нашло выражение в том, что Татьяна отвергает Онегина, руководствуясь нравственным, точнее говоря, — супружеским долгом, а Саша отвергает Агарина потому, что разочаровывается в возможности рука об руку работать с ним на пользу общественную.

Тем самым образ Саши предваряет образы таких тургеневских героинь, как Наташа, Елена, Марианна. В связь с ним нельзя не поставить и некоторые женские образы последующих произведений Некрасова, например, «декабристок» в поэме «Русские женщины».

Моральная победа Саши над Агариным — это победа демократически настроенного молодого поколения, поколения «детей», над бессильным преодолеть свою барственность и развивающуюся на почве ее «обломовщину» старшим поколением, поколением «отцов». Конечно, демократизм Саши выражен еще не слишком ярко, но все же в Саше нельзя не видеть несомненной представительницы демократических стремлений, широкой волной проникавших в середине XIX века в среду русской молодежи.

«Саша» — поэма, в такой мере насыщенная лиризмом, что целые страницы ее не могут не восприниматься как лирические стихотворения. Вот почему наравне с образами Саши и Агарина в поэме значительное место занимает образ лирического героя, сливающийся с образом автора. Этот образ

играет, в известной мере, организующую роль в композиции поэмы. Поэма начинается как бы с лирической интродукции, представляющей собой монолог автора, изображающий его душевное состояние после возвращения на родину (гл. 1). Далее следует рассказ автора о Саше, ее жизни и времяпрепровождении, прерываемый и заканчиваемый лирическими отступлениями (гл. 2). Затем автор передает слово старику-отцу Саши, и старик-отец повествует об отношениях своей дочери и Агарина (гл. 3). Заканчивается поэма монологом автора, дающим авторскую характеристику Агарина и опять-таки насыщенным, особенно в конце, лиризмом (гл. 4). Таким образом, только две срединные главы — в меньшей степени вторая, в большей степени третья — выдержаны в тоне эпического повествования. Первая и четвертая главы настолько лиричны, что дают вполне достаточный материал для характеристики образа автора.

Никогда — ни до создания поэмы «Саша», ни после — Некрасов не изменял чувству патриотизма, но обычно это чувство сливалось в его душе с чувством «печали и гнева» — «печали» от сознания, что родина страдает, «гнева» против тех, кто повинен в ее страданиях. Эти слитые воедино, казалось бы, разнородные чувства с особенными яркостью, силой и эмоциональностью были выражены Некрасовым в четверостишии:

Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю другого налева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчины своей...

(«Газетная»).

В начале поэмы «Саша» мы видим нечто иное. Мы ощущаем чувство великой любви к родине, чувство печали при виде ее страданий, но чувства гнева нет... Более того, поэт восклицает:

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.
.....
Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало...

Некоторые из прежних отрицателей поэзии Некрасова (С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков и Ап. Григорьев), пытаясь истолковать его новую поэму в своем духе, заговорили о примирении Некрасова с действительностью. Отражая мнения этих литературных кругов, Боткин писал Некрасову 3 февраля 1856 года из Москвы: «Саша твоя — здесь всем очень

понравилась, даже больше, чем понравилась: об ней отзываются с восторгом».¹

«Восторги» Аксаковых и Ап. Григорьева были не только преждевременны, но и совершенно неосновательны. Некрасов ни единым словом не выразил желаний примириться с врагами народа. Он ограничился только словами:

Спящих в могилах виновных теней
Не разбуду я враждою моей.

Совершенно ясно, что «Саша» не дает никаких оснований говорить о «поправении» автора, тем более, что заключительная ее глава, содержащая в себе достаточно суровое разоблачение Агарина, представляет собой не что иное, как авторский монолог. Этот монолог, кстати сказать, заканчивается великолепной, в чисто лирических тонах выдержанной, картиной весеннего половодья. Она тем более удалась автору, что в ней нельзя видеть только пейзаж — она, безусловно, имеет определенный социальный смысл, как бы предрекая то весеннее половодье, которое принято называть в истории русской общестственности «шестидесятыми годами».

Хотя Некрасов и крепко верил, что

... благодатна
Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

— а веря в это, возлагал великие надежды на молодое поколение, воплощенное в образе Саши, однако он был слишком трезвым мыслителем, чтобы не понимать, что

... нужны не годы —
Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Заговорив о пейзажах в «Саше», мы тем самым затронули вопрос о художественной стороне этой поэмы. Самое замечательное в ней как в художественном произведении это искусительно умелое сочетание лирических элементов с повествовательными и описательными. Благодаря этому сочетанию поэма производит очень сильное впечатление на читателей. Начало ее воспринимается как задушевнейшее лирическое стихотворение. Рассказ о деревенском времяпрепровождении Саши, перемежаемый жанровыми картинками (сев, обмолот

¹ Подлинные суждения этих писателей собраны в комментариях К. И. Чуковского к поэме «Саша» (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 556).

и т. д.) и описаниями природы, среди которых в качестве образцового видное место занимает описание рубки леса; безыскусственное повествование старика-отца Саши об ее отношениях с Агаиным; на редкость меткая, не лишенная и сатирических нот, авторская характеристика Агаина — врезаются в память и неизгладимыми чертами запечатлеваются в ней. Не только потому, что свидетельствуют о глубине проникновения автора в развиваемую им тему, но и потому, что проникнуты в высшей степени эмоциональным отношением его к изображаемым лицам и событиям.

В «Саше» уже в полной мере обнаружилось столь характерное для Некрасова тяготение к трехсложным размерам: «Саша» написана великолепными дактилическими стихами. В пушкинский же период нашей словесности явно преобладали двухсложные размеры, в особенности ямба. Это не вызвало сочувствия со стороны общепризнанного главы революционно-демократической эстетики Н. Г. Чернышевского. В одной из своих статей, относящихся ко времени создания «Саши», он писал: «Трехсложные стопы (дактиль, амфибрахий, анапест) и гораздо благозвучнее и допускают большее разнообразие размеров, и, наконец, гораздо естественнее в русском языке, нежели ямба и хорей... Не можем не заметить, что у одного из современных русских поэтов — конечно, вовсе не преднамеренно — трехсложные стопы очевидно пользуются предпочтительною любовью перед ямбом и хореем».¹ Только то обстоятельство, что эти строки печатались в «Современнике», помешало Чернышевскому назвать по имени того автора («одного из современных русских поэтов»), которого он имел в виду. Нет никакого сомнения, что это — Некрасов.

Наравне с дактилями Некрасов часто обращался к анапесту, которым владел в совершенстве. Достаточно сослаться на такие его стихотворения, как «Размышления у парадного подъезда» и «Рыцарь на час».

«Поиски героя» Некрасов продолжал и в поэме «Белинский», в которой дал не только биографию своего великого друга, но и создал образ пламенного народного трибуна. Однако эта поэма, по цензурным условиям, не вошла в сборник 1856 года.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, 1949, стр. 472.